

"Ты прекрасно выглядишь", - сказала я своей восемнадцатилетней дочери Алисе, когда она спускалась по лестнице в платье, за которое я заплатила несколько сотен долларов. Я, конечно, преуменьшила, так как она выглядела сияющей, платье было серебристо-голубого цвета с блеском, благодаря которому кожа моей дочери выглядела еще более безупречной, чем обычно. Бретельки через плечо были частично скрыты длинными черными волосами в двух тугих узлах, которые ниспадали на них, раскачиваясь при ходьбе и притягивая мой взгляд к ее декольте, боковым частям ее изящной груди, но более интересные части были скрыты. Хвост спускался вниз, цепляясь за ее гладкий живот и стройные бедра, ниже колен, чуть выше щиколоток и соответствующих туфель на высоких каблуках.

Она дошла до последней ступеньки и опустилась на пол, медленно кружась вокруг себя, так что я мог видеть все платье, включая то, как оно скользило по ее спине, V-образный разрез заканчивался всего в нескольких дюймах над ее талией. Я не изменил своего решения, запечатлев видение в своей памяти, когда она закончила свой поворот, чтобы снова оказаться лицом ко мне. Я был уверен, что я не единственный разведенный отец, видящий свою дочь каждые выходные с трех лет, который тайком подточил, когда она достигла полного расцвета своей прелести в выпускном классе; а если и так, то я не чувствовал себя виноватым, ведь то, что никто не знает, никому не вредит.

Она остановила свое кружение: "Ты думаешь, я красивая?" Она улыбнулась и, прежде чем я смог подтвердить это, добавила: "Ты необъективен". Она все еще улыбалась, так что, хотя я и улыбался, она, похоже, не возражала.

"Виноват", - согласился я с ухмылкой.

"Вы выглядите очень привлекательно", - ответила она, сделав несколько шагов вперед, чтобы преодолеть разделяющий нас промежуток, а затем потянулась вверх и поправила мой галстук, или, по крайней мере, сделала вид, что поправила, так как я проверил его в зеркале, прежде чем она спустилась.

"Эта старая штука?" ответил я, оставив вопрос в подвешенном состоянии, имел ли я в виду себя или костюм. Ни в том, ни в другом случае это не было правдой; даже если костюм не стоил столько же, сколько платье, он все равно был новым, хотя, по крайней мере, я буду носить его больше, чем платье, которое будет надето дважды - сегодня вечером и на выпускной через две недели. А что касается меня самой, то мне, может быть, и приближалось пятьдесят, но я все еще была в форме и тонусе, и если в моих светло-каштановых волосах и были серебристые прожилки, то они все еще были моими собственными и с лихвой покрывали кожу головы.

"Мне придется присматривать за тобой", - возразила она, - "Иначе они увидят горячую чирлидершу, которая будет с тобой целоваться".

Я сделал обиженное выражение лица и прикрыл сердце рукой, как будто меня смертельно ранит неправильно пущенная стрела Купидона: "Сегодня я весь твой, никто не может соперничать с моей спутницей по красоте и уму".

Она засмеялась: "Значит, тебя интересует не только мое тело".

Это уже выходило за рамки обычного шутовства между отцом и дочерью, но я согласился: "Не только твоё тело...".

Она злобно хихикнула, широко улыбаясь: "Ты такой плохой отец, но я выполню твоё обещание..."

"Я не уверен, что я что-то обещал, если ко мне подойдет горячая чирлидерша, то это ты будешь отбиваться от них палкой, а не я", - ответил я.

"Вызов принят", - сказала она, - "Единственный горячий подросток, к которому тебе будет позволено приблизиться сегодня вечером, это я". Она указала на себя, чтобы подкрепить свою точку зрения. "Я буду всем свиданием, которое тебе нужно".

Учитывая, что с тех пор, как я развелся с её мамой, у меня было много свиданий, которые сосали и/или трахались в первую ночь, я не думал, что она будет такой, но я решил, что мы уже достаточно далеко вышли за рамки нормальных приличий, и ничего не сказал. В любом случае, несмотря на фальшивые речи, это было не настоящее свидание, а школьная традиция, когда за две недели до выпускного все старшеклассницы собирались вместе со своими отцами, чтобы продемонстрировать свои выпускные платья и станцевать плохие танцы, попивая при этом не что иное, как фруктовый пунш. Это было хорошее здоровое веселье, и хотя в своё время я переспал с парой студенток, подцепить старшекурсниц было уже выше моих сил, даже если бы их всех не сопровождали слишком заботливые папы.

Вместо этого я протянул ей руку: "Ваша карета ждет, миледи".

"Спасибо, сэр", - ответила она, и мы рука об руку пошли к моей машине, припаркованной у подъезда.

Я жил в паре городков от Элис и её мамы (и нынешнего отчима, номер три, хотя, строго говоря, номер два никогда не был женат на её маме, даже если они прожили вместе пять лет), а школа находилась чуть меньше чем в часе езды от моего дома. Ехать было легко, и мы с Элис болтали, пока я мчался по шоссе, о колледже и работе, о том, сможет ли она позволить себе машину, работая летом в баре-бургерной, о том, что она думает о том, чтобы оставить школу, дом, путешествия и все остальное, о чем разводящиеся папы договариваются со своими дочерьми. Время от времени я ненадолго отворачивался от дороги, чтобы задать вопрос или ответить на один из её вопросов, и каждый раз я улавливал лишь крошечный намек на сиськи, как будто она дразнила меня своими прелестями, хотя мой рациональный мозг знал, что это не так, даже если моя животная сторона хранила фантазии о дрочке на потом.

Я правильно рассчитал время, и мы въехали на школьную парковку, когда двери уже открывались. Я быстро вышел из машины и поспешил открыть дверь для дочери, взяв её за руку, чтобы помочь ей выйти, как молодой галантный кавалер, ведущий свою даму на бал. Она улынулась и поблагодарила меня, взяв меня за руку, пока я вел её к входу. Образовалась

небольшая очередь, папы среднего возраста со своими дочерьми. Я не хвастаюсь, когда говорю, что у меня меньше среднего возраста и больше волос, чем у большинства, я хвастаюсь, когда говорю, что ни одна из дочерей и близко не стояла со свечой Алисы.

Мы быстро подошли к столу, где учительница проверяла наши имена по списку. "Том и Алиса Дарина", - объявил я, и мне быстро кивнули.

В коридоре были указатели на танцевальный зал, но они не понадобились, я слышал звуки оркестра, и все остальные уже шли туда. Элис взволнованно потянула меня за руку: "Пойдем, папа, я не могу дождаться, когда ты представишь меня своим друзьям".

Я кивнул и позволил повести себя, рука об руку, в спортивный зал. Кто-то приложил немало усилий, чтобы украсить его: вокруг площадки для танцев подпрыгивали и раскачивались розовые и голубые гелиевые шары, привязанные лентами к небольшим пластиковым грузикам, и серебристые серпантинки свисали с каждого оборудования, расставленного по стенам. Снаружи стояли столы, каждый из которых был накрыт белоснежной скатертью, а к центральному элементу были прикреплены еще несколько воздушных шаров: банка, бутылка вина, модель автомобиля - все разные. Группа уже была на сцене, играя мелодии девяностых, которые я узнала, и более современные, которые я не узнала.

Столики формально не были заказаны, но Элис знала, какой из них выбрали она и ее друзья, и провела меня к нему через весь зал. Там уже сидели несколько подростков и их отцы: рыжий Дрю и Тони и брюнетка, которая могла сойти за двадцатилетнюю выпускницу, Холли и Майк. Я должен был признать, что обе девушки были привлекательными, даже если бы они не были наряжены и гламурно одеты для этого вечера, они бы привлекали внимание, но в то же время ни одна из них не могла сравниться с Элис по красоте. Представления были сделаны быстро, и между нами, папой, завязалась небольшая светская беседа, сопровождаемая комплиментарными, хотя и целомудренными, комментариями каждой из девушек о том, как прекрасно они выглядят. Подошел официант с безалкогольными фруктовыми коктейлями, а вскоре за ним еще один с закусками. Все это было очень приятно, если не сказать захватывающе, хотя по тому, как девушки возбужденно болтали между собой, я догадался, что мнения разделились, а поскольку важно было мнение Элис, я счел вечер успешным.

До сих пор музыка была в стиле рок или диско, и хотя, конечно, были папы, танцующие со своими дочерьми, это было не для меня (хотя некоторые из них идеально подходили для радио в машине во время долгой поездки, и не раз я тоже постукивал ногой, вспоминая, как они играли из моего магнитофона в подростковом возрасте, чтобы заглушить вздохи моих подружек от родителей внизу). Однако певец постучал по микрофону и объявил: "А вот медляк для тех пап, которые еще не вывели свою дочь на танцпол".

"А мы можем?" Алиса взволнованно улыбнулась мне. Я видел, что ее подруги делают одинаковые шаги к своим папам, и я, конечно, не хотел, чтобы мы с Алисой остались одинокими за столом.

Я встал и протянул ей руку: "Окажете ли вы мне честь станцевать этот танец?" спросил я формально.

Элис хихикнула и встала, взяв мою протянутую руку: "С удовольствием", - сказала она, и мы вместе вышли на паркет.

На мгновение мы разделились, стоя лицом друг к другу, прежде чем я положил руку ей на талию, а другой обнял ее, в то время как свободная рука Элис переместилась на мое плечо. Она сжала ее: "Очень крепкая", - улыбнулась она.

"Я тренируюсь", - ответил я, когда мы начали двигаться в такт медленной мелодии.

Хотя мне далеко до статуса чемпиона по бальным танцам, я всегда был хорошим танцором, и Алиса, должно быть, переняла свои движения от меня, а не от мамы (которая была в лучшем случае адекватной); быстро мы вошли в ритм друг с другом, наши ноги шагали по полу в унисон, а наши тела раскачивались вместе. Я мог сказать, что Алисе это нравится, так как она широко улыбалась, глядя на меня, наши глаза соединились. Я стал более амбициозным, делая более быстрые и сложные шаги, заставляя Алису следовать за мной. Она следовала, охотно и энергично, каждое мое движение было выполнено с изяществом и стилем. Даже когда я наклонял ее назад, перемещая руку от талии к спине, она продолжала улыбаться и смотреть в глаза, балансируя одной ногой на земле, в то время как другая торчала, указывая. Мы поднялись, и я подошел ближе. Первая медленная мелодия закончилась, и заиграла другая, еще более медленная, более романтическая. Я придвинулся ближе к ней, наполовину забыв, что она моя дочь.

Она отпустила мою руку, скользнув обеими своими по моей шее. Я переместил свою свободную руку так, чтобы она оказалась рядом со своей партнершей, и они вдвоем расположились на ее поясице. Если бы я поднялся на дюйм выше, я бы переместился из материала и коснулся голой кожи там, где платье открывалось сзади, ниже - и я бы прижался к ее попке.

Мы продолжали раскачиваться вместе, близко и в такт. Вокруг нас танцевали другие папы и дочери с разной степенью мастерства, энергии и энтузиазма, но я смотрел только на нее, если она постоянно смотрела на меня сверху, то я также постоянно смотрел на нее снизу. Я всегда знал, что она красива, но сегодня она выглядела еще красивее, и мне приходилось напоминать себе, что она моя дочь, иначе ее привлекательный рот овладел бы мной и я был бы готов к поцелую.

Возможно, потому что я так сосредоточился на том, чтобы не двигать ртом вниз к ней, мне потребовалось несколько мгновений, чтобы заметить, что мои руки скользнули ниже и теперь обхватывают ее задницу. На мгновение я почувствовал нарастающую панику, но в выражении ее лица не было ничего, что могло бы показать, что Элис против, если бы не это, ее луч стал еще шире, а глаза еще глубже впелись в мои; быстро оглянувшись вокруг, я увидел, что никто не обращает на нас никакого внимания, так как они были слишком увлечены своими собственными танцами. Я ненадолго задумался о том, чтобы оставить руки на месте, но быстро решил, что если пару мгновений можно списать на ошибку, то вскоре это покажется преднамеренным. Я поднял их обратно. На лице Алисы промелькнуло что-то похожее на недовольство, она моргнула и пропустила этот момент. Разве она возражала против того, что мои руки были на ее заднице? Может быть, ей это даже нравилось? Я не был уверен, но не хотел рисковать и остаток танца сосредоточился на том, чтобы держать руки на месте и не наклоняться вперед.

<http://erolate.com/book/2417/61489>